

Людмила Лапина

**Столица Российской
империи: Эпохи и стили
от готики до неоготики
XVII – XIX века**

очерки

Людмила Лапина

**Столица Российской
империи: Эпохи и стили
от готики до неоготики
XVII—XIX века. Очерки**

«Издательские решения»

Лапина Л.

Столица Российской империи: Эпохи и стили от готики до неоготики XVII—XIX века. Очерки / Л. Лапина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905634-4

Книга включает обширный исторический материал, посвящена 315-летию Северной столицы России на берегах Невы от основания Санкт-Петербурга до революций 1917 года

ISBN 978-5-44-905634-4

© Лапина Л.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Столица Российской империи: Эпохи и стили от готики до неоготики XVII—XIX века Очерки

Людмила Лапина

© Людмила Лапина, 2018

ISBN 978-5-4490-5634-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Санкт-Петербург основан в 1703 году и возведен на плоской равнине, называемой Приневской низменностью. Эта местность лежит по обоим берегам реки Невы, в ее дельте, и при-мыкает к Финскому заливу Балтийского моря. Будущая территория Санкт-Петербурга и его окрестностей изначально являлась низменностью с обилием заболоченных мест, но попадались и более возвышенные участки, переходящие в небольшие холмы.

В эпоху последнего оледенения здесь стояли воды приледникового водоема – Древнебалтийского моря. Медленно, но неотвратимо это море мелело, а суша поднималась. Поднимается она и в наше время в связи с тектоническими процессами, происходящими в земной коре. Море обмелело и ушло отсюда около 4,5 тысяч лет назад – совсем недавно с геологической точки зрения, ведь эта наука оперирует периодами в миллионы лет. Древнебалтийское море оставило после себя Приневскую низменность.

Рельеф Санкт-Петербурга можно поделить на две разные части – низменную, образовавшуюся на месте древнего моря, и более высокую, материковую. В древности это был берег Древнебалтийского моря. Граница этих рельефов проходит в центре современного города по проспектам Литейному, Суворовскому и району «Пески». Царь Петр I раздавал участки членам своей семьи по современной Шпалерной улице. Земли здесь получили любимая родная сестра Петра Наталья Алексеевна, первенец царевич Алексей, невестки – вдовы старших братьев Федора Алексеевича и Иоанна Алексеевича.

Эти высокие места не затопляемы при любых, даже катастрофических наводнениях 1724, 1824, 1924 годов. Наводнения случались ужасные – быстро поднимающаяся, гонимая сильным западным ветром вода достигала доисторических берегов древнего моря. Границы больших наводнений и бывшего моря совпадают.

Река Нева, на которой уже четвертый век стоит город Санкт-Петербург, соединяет озеро Ладогу – самое большое озеро Европы – и Финский залив Балтийского моря. Река Нева молодая и короткая, не достигает в длину и 100 километров, а всего – 74. Но эта, одна из самых мощных рек Европы, несет в Балтийское море воды обширного внутреннего бассейна – Ладожского озера и впадающих в него 35 рек (самые крупные – Паша, Оять, Свирь, Тосна).

Нева геологически – весьма молодая река. Возраст ее можно определить от 2,5 до 4 тысяч лет. Возникла она на месте ледникового водоема. Охта и Тосна, реки, протекающие тут, гораздо старше. Дельта Невы с островами, разделяющими ее на рукава, возникла не из-за выноса в залив песка и ила, как обычно возникают дельты могучих рек с быстрым течением (Нил, Миссисипи, Амазонка), а из-за поднятия суши в этом районе. Изначально Нева – широкий пролив, соединявший Финский залив и Ладожское озеро. Материк Евразия поднимался в связи с подвижками земной коры, пролив сужался и превращался в реку. Жившие здесь люди были свидетелями образования реки и формирования ее дельты. В XIII веке название реки произносили по-разному. Шведы: «Ну», русские: «Новая», норвежцы: «Нюйя». Дого-воры Великого Новгорода с немецкими городами называют эту реку так же – Новая. Назва-ние «Нева» произошло от древнего наименования Ладожского озера – Нево-озеро. До XVIII века восточная часть Финского залива именовалась Котлино озеро. Окрестности будущего города Санкт-Петербурга, территория дельты Невы были много раз нанесены на карты XVI-XVII веков, русские и иностранные. Первая общая карта Русского государства со столицей в Москве подробно изображает этот район.

Санкт-Петербург был столицей России около двухсот лет. За это время в нем появились постройки, олицетворяющие его столичный статус. Они возведены в разных стилях, начиная с петровского барокко. Но стиль и характер эпохи создают люди: их характеры, поступки, собы-

тия, в которых они принимают участие. Жизнеописания современников складываются в биографию эпохи.

Основным стилем средневековых столиц западной Европы была готика. Позже, в XVI веке, готику сменили классицизм – работы Андреа Палладио (1508—1580) и его последователей – и барокко. Город Санкт-Петербург начинал строиться в стиле барокко, но на его будущей территории в XVII веке существовал типичный средневековый город с готическими постройками. Это был город Ниен, выросший у крепости Ниеншанц.

Глава 1

УТРАЧЕННАЯ ГОТИКА НИЕНА

На пути в Финский залив широкая река Нева делает величавую излучину. На ее левом берегу высится гармоничное бело-голубое здание, возведенное Ф. Б. Растрелли – Смольный собор. На другом берегу, там, куда выводит шумную транспортную магистраль длинный мост Петра Великого, до недавнего времени находились полуразрушенные краснокирпичные постройки. Это был Петровский завод (Петрозавод) в устье реки Большой Охты. История Отечества сохранила память о двух крепостях, построенных в устье Охты при ее впадении в широкую Неву. Было это задолго до появления на этих землях города Санкт-Петербурга – столицы Российской империи.

1300 год. Шведы уже построили замок Выборг (1293) в устье Вуоксы при ее впадении в Финский залив – плацдарм для наступления на восток Руси. Теперь захватчики рвутся вверх по Неве к Ладоге. Они срочно закрепляются на берегах Невы и возводят крепость на мысу, вдающемся в полноводную Нюю (Нева по-шведски). Место для укрепления выбрано удачно. Даже когда вода в Неве поднимается выше 4 метров, это место остается сухим. Когда могучей реки Невы еще не существовало, здесь был берег Древнебалтийского моря. Нева – молодая по геологическим меркам река. Когда случались большие наводнения, Древнебалтийское море пыталось вернуться в свои границы. Вода поднималась выше четырех метров, но мыс при впадении речки Охты в широкую Неву никогда не бывал затопленным. Это место было создано самой природой для мощной крепости.

Удачное место оценили шведы. Их предводитель Торкель (Торгильс) Кнутссон мечтал повторить успех, сопутствовавший ему при основании Выборга. «Хроника Эрика» так описывает начало этого похода:

...Торгильс Кнутссон собрался в поход
от имени конунга. В ледунг вошли
лучшие лодки и корабли.
Язычников конунг хотел проучить
и город Ландскруна велел заложить.
Воинов одиннадцать сотен собрали.
Поплыли из Швеции в дальние дали.

В мае 1300 года по Неве поднялись шведские суда. Это была огромная флотилия, армада – 111 больших морских кораблей. Их цель – захватить и контролировать мощную водную артерию. Устье реки Охта, правого притока Невы, оказалось прекрасным местом для закладки укрепления. «Хроника Эрика» повествует:

Между Невею и Черной рекою
Крепости быть с высокой стеною.
На мысе, где рек сливались пути.
Лучшего места им не найти.
С юга в залив Нева протекала,
А с севера Черная речка впадала.

Шведы звали Неву «Нюйя» или «Ниен», а «Черной речкой» они, предположительно, называли Охту. После нескольких схваток с местным населением захватчики отвоевали место

для своего укрепления. Новая, возведенная за одно лето крепость получила гордое шведское имя «Ландскрона» – корона или венец земли. Русский летописец зафиксировал: «Похвалившись оканьнии нарекоша его Венец земли».

Римский папа Бонифаций VIII (1294—1303) благословил католиков-шведов на крестовый поход против язычников, какими они считали крещенных карел. Католики с подозрением относятся к православной ветви христианства. Новгородская летопись так сообщает про новую шведскую крепость: «...утвердиша твердостью несказанною... из великаго Рима от папы мастер приведоша нарочит». Так возникла мощная цитадель, спроектированная искусным иноземным архитектором-католиком. У нее были крепкие деревянные стены, каменые орудия (требушеты) и дополнительная защита – две линии укреплений – земляной вал и ров, прорытый между Невой и Охтой шириной 20—25 метров. «Над тем рвом стояла стена с восемью башнями и бойницами» – читаем в «Хронике Эрика». Археологические исследования, проведенные в 2008 году, позволяют предположить, что шведы построили типичный для раннего периода средневековья европейский замок в его первоначальной модификации – из дерева и с квадратными башнями.

Основные шведские силы отправились домой, оставив для обороны крепости отряд численностью около тысячи воинов. «Хроника Эрика» сообщает, что возглавил их господин Стен.

В новгородской летописи 1300 года о захватчиках написано: прибыли «свеи в силе велице». Шведы на берегах Невы вели себя как в завоеванных землях: грабили, убивали местное население, жгли деревни. Все население – и русские, и местные нерусские племена – поднялось на борьбу с захватчиками и осадило Ландскрону.

Новгородцы, использовавшие Неву как водный путь для торговли с Западом, не собирались терпеть шведское вторжение на берега Невы. Узнав о закладке Ландскроны, они собрали в ополчение более тысячи воинов и выступили против захватчиков. Навстречу новгородскому ополчению к Ладожскому озеру выдвинулся отряд шведов численностью 800 человек. Русские ладьи подошли к истоку Невы. Шведы, высадившиеся на Ореховом острове, предпочли не вступать в бой с новгородцами и отступили в свою новую крепость. Там у причала стоял флот захватчиков. Русские решили уничтожить его и лишить шведов возможности отступления по морю. Они попытались сжечь шведские суда – построили плоты, нагроулили их хворостом, подожгли и пустили по течению Охты. Но шведы перегородили речку железной цепью и спасли свои суда от огненной атаки.

Не больше успеха имел и предпринятый русскими на следующий день штурм крепости Ландскрона. Шведы отбили все атаки новгородцев. Им пришлось отступить от стен Ландскроны через ров в поле. Ночью русское ополчение вернулось в Великий Новгород. Нева, важная торговая артерия, осталась за шведами. Только силой оружия можно было вернуть эту мощную торговую магистраль обратно под контроль Новгорода. Шведы тяжело пережили зиму – недоедание и цинга ослабили гарнизон крепости. В «Хронике Эрика» запечатлены душераздирающие подробности:

Случалось, когда за столами сидели,
Пили настои на травах и ели,
Их зубы со стуком на стол выпадали.
Живыми остаться смогли бы едва ли.
Многих убили беды такие,
Дома умерших стояли пустые.

Решающая битва за Ландскрону произошла на следующий год. Весной 1301 года вновь собранное новгородское ополчение, усиленное ладожскими полками, под предводительством великого князя владимирского и новгородского Андрея Александровича подступило к швед-

ской крепости. Новгородцы бились самоотверженно. Шведы защищались отчаянно. Князь Андрей оказался достойным воинской славы своего великого отца Александра Невского. Штурм продолжался и днем и ночью в течение нескольких суток. Победа далась новгородцам тяжело, но Ландскрону разрушили до основания, срыли даже крепостной холм, на котором она стояла. Запись в новгородской летописи от 1301 года: «и бысть ни во что же премудрость их и градная их крепость». Так Великий Новгород вернул себе выход к Балтийскому морю.

И в XIV, и в XV веках на месте снесенной крепости жили люди – ремесленники, торговцы, лоцманы. Археологи нашли здесь белостенную керамику XIV-XVI веков типично новгородской работы. В конце XV века маленькие селения превратились в небольшой город – «сельцо на Усть Охты на Неве». Писцовая книга 1500 года сообщает, что в этом сельце были 15 дворов, принадлежащих непашенным людям, то есть не крестьянам. Они занимались торговлей, и торговля эта процветала.

Комендант Выборгского замка Ролов Матсон побывал здесь в 1521 году и описал свои наблюдения в докладе шведскому королю Христиану (Кристиану) II Датскому (1513—1523). Комендант Выборга назвал город на правом берегу Невы маленьким, но хорошо известным торговым центром. Купцы с других берегов Балтийского моря привозили сюда соль, сукно. Товары перегружали с морских судов на суда поменьше, и местные лоцманы проводили их вверх по течению могучей Невы через невые пороги, в реку Волхов (Волк) по-шведски. Так заморские товары попадали в Новгород и далее, в глубину русской земли. В период опричнины и военных столкновений со Швецией (1570—1590 годы) процветающее торговое поселение было разорено, но уже к концу XVI века здесь существует русское поселение Невское Устье. Жители его занимались ремеслом и торговлей.

В 1610 году интервенты-шведы по приказу их предводителя Якова (Якоба) Делагарди захватили здесь два судна с солью и из складов несколько тысяч бочек соли. После 1617 года Яков Делагарди получил за службу от шведского короля Густава Адольфа поместье на Васильевском острове. Отцом Якова был знаменитый шведский полководец Понтус Делагарди, совершавший походы в приевские земли Великого Новгорода в 70-е годы XVI века. Имя Понтуса Делагарди сохранилось в некоторых местных топонимах: Понтусова гора в Токсове. На ее вершине долго сохранялись оплывшие земляные валы шведской постройки. Еще столетие назад жители Токсова могли видеть в окрестных болотах остатки старинных гатей, проложенных шведами еще Смутного времени. Понтусова крепость – так называются развалины крепости у современного поселка Первомайское. Севернее нынешнего поселка Репино находилось болото Понтуса. Местные предания повествуют, что через него проходила дорога, проложенная по приказу Делагарди для передвижений шведской армии.

Вернемся на Охтинский мыс. Подробные сведения о поселении и торговле на этом историческом месте можно найти в «Записной книге сбора таможенных пошлин» в Невском устье за 1615 год. В мае этого года подьячий Афанасий Бражников

«збирал на Невском устье государеву таможенную пошлину с торговых с немецких и русских людей, которые ездили с неевского устья в Орешек и в Новгород и назад и которые немецкие и русские люди стоя торговали на невском устье».

Вспомним, что на Руси немцами, то есть, немцами, не говорящими по-русски, называли всех иностранцев.

Следующая по времени крепость, наследница Ландскроны, на этом месте была возведена тоже шведами в 1611 году и называлась Ниеншанц (Невское укрепление). Русские называли его Канцы (от шведского сканец – маленькая крепость, земляное укрепление), финны – Неванлинна, немцы – Ниеншанц. Это название в начале XVIII века вошло и в русский язык. Первоначально гарнизон Ниеншанца 1611 года составлял 500 человек, «чтобы можно было

защищать всю Неву под эгидой шведской короны». Крепость Ниеншанц воздвигнута на берегу реки Малой Охты. Есть сведения, что заложена она под руководством Якова Делагарди. Посад, а позднее город Ниен располагался напротив крепости на берегу Большой Охты. В военном архиве Стокгольма хранится план 1644 года. Это план крепости и нового города, созданный побывавшим на охтинском мысу шведским инженером Георгием Швенгелем. Он начертил и проект дальнейшего развития крепости и города, но замыслам этим не суждено было осуществиться.

Нам известен план крепости, созданный в 1681 году. Он выглядит как пятиугольник с двумя рavelинами. Бастионов было пять. Они назывались: Карлов (в честь шведского короля), Гельмфельтов или Гамельфтов (по фамилии шведского генерал-губернатора Ингерманландии), а так же Гамбле (Старый), Дедхе (Мертвый), Гварн (Мельничный). Кронверк возвели на левом берегу Невы. Кронверк (нем.Kronwerk) – так называется укрепление на главном направлении ожидаемой атаки на основную крепость. Это наружное вспомогательное укрепление возводили перед главным валом крепости. Состояло оно из одного бастиона и двух полубастионов на флангах. План такого укрепления имеет вид короны, откуда и произошло название.

В 1632 году шведский король Густав-Адольф (1611—1632) издал указ об основании напротив крепости на другом берегу Охты поселения Ниен (Невский). Население Ниена (русские прозвали его – Канцы) состояло из шведских и немецких переселенцев. Русское население вновь образованной со столицей в городе Нарва Ингерманландии (Ижорской земли) покидало родные места и выезжало в пределы Московского государства. Поселение Ниен создано специально для торговли с Московским государством. Сюда по Балтике доставляли товары из Швеции и Западной Европы. Королева Христина (Кристина Шведская: 1633—1654) в 1638 году разрешила Ниену принимать иностранные суда и отправлять свои в другие города для торговых операций, даровала так называемое «стапельное право». Русские купцы из Ладоги, Новгорода, Тихвина, Москвы могли в Ниене купить товары из Швеции и Западной Европы, продать свои товары или отплыть для торговли в Стекольну (Стокгольм по-русски). Там в 1637 году возведен Русский гостинный двор для российских купцов. Как мы помним, купцов на Руси называли гостями. Из Ниена в Стокгольм плавали суда, принадлежавшие ладожанам, тихвинцам, сельским жителям погостов Пашского (на реке Паша) и Оятского (на реке Оять). Русские купцы для торговли посещали столицу Швеции и другие ее города – Нарву, Выборг, Або (Турку). Они торговали за границей российскими товарами: мехами, кожей (юфтью), рукавицами, пенькой, льном, салом, восточными тканями.

Через пять лет, в 1642 году, быстро растущему торговому поселению, где жили 470 человек, указом той же шведской королевы Христины (Кристины), дочери Густава-Адольфа, были пожалованы полные права города королевства Швеция. Ниен получил герб, печать и городское самоуправление – магистрат, заседавший в специально построенной ратуше, находившейся, конечно же, на Рыночной площади. В любом западноевропейском городе, большом или маленьком, имелись такая площадь и ратуша, построенная обычно в три этажа в готическом стиле. Готический стиль более чем на полтысячелетие определил облик европейских городов.

Стиль готика распространяется в Западной Европе в XII-XVI веках. Готическая архитектура естественным образом продолжила архитектуру романскую, получившую название от архитектурного стиля, сложившегося в Италии в эпоху раннего христианства (Равенна, Рим). В основе романских построек (X-XIII века) лежит византийский архитектурный опыт, обогативший местные строительные традиции.

В дороманский период (первые века новой эры) в Европе уже сложились основные архитектурные типы сооружений: храмы и общественные сооружения (базилики), монастыри, виллы, замки. Сильно было влияние античной культуры. Архитектура – главный вид искусства на любом этапе развития (кроме первобытного), потому что определяет среду обитания чело-

века. Когда в обществе появляются люди, профессионально занимающиеся строительством, можно уже говорить об архитектурных стилях.

Строительная техника совершенствовалась и в раннем средневековье, что привело к повышению качества строительства. Монахи в монастырях сохранили архитектурную традицию, как и многие другие ремесла. В эпоху Высокого Средневековья основной объем строительных работ переходит от монастырей к цехам каменщиков, соперничающих между собой. Это связано с бурным ростом городов и возведением городских соборов. Готика – городской стиль.

Повышению прочности и устойчивости зданий способствовал переход к каркасным конструкциям сводов уже в романской архитектуре. Ребра сводов (нервюры) возводили из прочного камня, а между ними по опалубке делались легкие заполнения. Каждая из собранных в пучок нервюр продолжалась изящной колонкой с капителью и базой. Так массивные опоры приобретали сложную профилировку, зрительно облегчавшую конструкцию всего здания. С развитием каркасной техники строительства распространяется впадушенный тип свода, основа которого – полуциркульные диагональные ребра. Концентрация нагрузок от сводов на опорные столбы, позволила отказаться от массивных стен, уравнивающих цилиндрический свод здания, и заменить их тонкой стеной. При этом всю тяжесть сводов несли специальные устои (контрфорсы), выведенные за пределы внутренних помещений.

Между романским и готическим стилями трудно провести четкую хронологическую границу. XII век – время расцвета романского стиля, но с 1130 года появляются новые архитектурные формы, положившие начало готике (ранняя готика). Готический стиль в Западной Европе достиг расцвета в XIII веке (высокая готика), угасание стиля пришлось на XIV-XV (пламенеющая или интернациональная готика).

Огюст Шуази писал, что история готической архитектуры есть история нервюры и аркбутана. Как же романская архитектура стала готической?

Основа романского собора – простая клетка, то есть, ячейка, покрытая сводом, так называемая травея. В центральном нефе романского собора каждую травею перекрывал массивный крестообразный свод, опирающийся на четыре массивных столба, поэтому внутри романские храмы представляли собой лес колонн (как храмы Древнего Египта). Травеи были квадратными, поэтому неф собора не мог расширяться бесконечно. При такой системе перекрытий внутренние помещения собора были узкими и темными, но зодчие средневековья облегчили систему сводов и заменили сплошные корытообразные своды реберными перекрытиями – системой несущих арок. Травеи вытягиваются в длину, и центральный неф становится широким. Полукруглая арка уже не перекрывает такую, вытянутую травею, и возникает стрельчатая арка, знаменитая готическая нервюра. Звездообразно перекрещивающиеся нервюры в интерьере соборов и замков опираются на пучки узких длинных колонн, похожих на трубы органа. Они возносятся на головкружательную высоту, и там плавно расходятся, соединяются, почти сливаются с арками.

Остроконечная арка, опирающаяся только с двух сторон на пучки столбов, была бы, в отличие от полукруглой, неустойчивой. Чтобы укрепить ее, понадобилось уравновесить силу распора и силу тяжести. Эту работу выполняют вынесенные за пределы зданий мощные контрфорсы и аркбутаны – перекидные арки, связывающие пятую свода и внешние опоры. Аркбутаны принимают на себя внешнее диагональное давление. Виоле ле Дюк, архитектор XIX века, реставрировавший собор парижской Богоматери, считал, что средневековые зодчие с гениальной интуицией применили закон параллелограмма сил. Вся сказочная воздушность готического строения имеет рациональную основу, и это еще одна загадка ментальности средневековых людей. Готическое здание представляет лишь каркас, скелет здания из стрельчатого свода, аркбутанов и контрфорсов. Стена же, как таковая ничего уже не несет, не держит, она лишняя в этой конструкции. Стены заменяют сквозные галереи, аркады, огромные окна. В галереях

устанавливают статуи, а окна становятся оправой для монументальной живописи из цветных стекол, (витражей) дающих изумительный эффект сияния густых красок. Воздействие этих цветовых пятен, красных, синих, лиловых и желтых, усиливается пронизывающими их лучами солнца. Средневековые художники страстно любили чистые звучные краски витражей, скульптуры или миниатюр иллюминированных рукописей. Философ XIII века монах Фома Аквинский назвал «яркость и ясность» главными признаками красоты. «... мы называем красивыми те предметы, которые окрашены ярким цветом», – говорил он.

Основной строительный материал готики – камень. Из него выкладывают массивные устои и тонкие прочные нервюры сводов, вырезают богатейший скульптурный декор фасадов, тонкие ажурные переплеты окон и «розы» (крупное световое отверстие главного нефа собора). На севере Европы использовали кирпич («краснокирпичная готика»). В формировании объема готического собора главное внимание уделялось центральному нефу. Он строился высоким, просторным. Для лучшего освещения интерьера собора пришлось отказаться от верхних ярусов боковых нефов. Полностью обнажились конструкции аркбутанов. Широкие оконные проемы заполнили цветные витражи. Эмоционально напряженной пластике готических фасадов противопоставлена относительная простота обработки интерьеров собора. Их главное украшение – сложный причудливый рисунок нервюр свода. В тесной застройке средневековых городов соборы открывали взорам прихожан только западный фасад. Это связано с символикой христианского храма как части высшего, горнего мира, сошедшего на землю. В западном фасаде собора был устроен вход, портал, ведущий в сакральное пространство собора. Портал обычно фланкировался двумя высокими башнями. Эти башни, как ориентиры, указывают путь к собору в тесноте городских улочек. Строились готические соборы долго. Вот почему некоторые из них имеют башни разной высоты и даже разной формы.

Родина готики – северная Франция, где этот архитектурный стиль называют «оживаль», то есть стиль стрельчатых арок. Крупнейшие сооружения ранней готики Франции – соборы, посвященные Богородице, Богоматери (Нотр-Дам) в Париже и Шартре. Они строились почти одновременно. Собор Парижской Богоматери (1163—1250) – пятинефная базилика длиной 129 метров. Высота среднего нефа 32 метра, высота башни над средокрестием (центр собора) 69 метров. На западном фасаде еще достаточно сильно выделены горизонтальные членения, башни портала остались незавершенными.

Собор в Шартре (1194—1260) перестроен из сгоревшего романского храма. Он сохранил форму базилики. Общая длина здания – 135 метров, высота его главного нефа – 34 метра. В соборе сохранились изумительные витражи тринадцатого века и каменная скульптура. В XII – XIII веках собор в Шартре был центром культа «Черной Мадонны» или «Черной Богородицы», олицетворяемой статуей черного дерева. Тамплиеры, побывавшие в крестовых походах, занесли этот культ в Европу с востока. До сих пор в крипте собора Шартра хранится деревянная статуя Черной Мадонны работы неизвестных мастеров XVIII века.

Классические примеры готики – соборы Реймса и Амьена. Реймский собор, традиционное место коронования французских королей, вытянут на 140 метров, высота его центрального нефа – 38 метров. Интерьер собора хорошо освещен через оконные витражи, архитектурные детали украшены растительным орнаментом. Фасад его, в отличие от ранних сооружений готики, устремлен ввысь. Сохраняются три части фасадной поверхности, но элементы ее убранства выходят за пределы членения «своих» ярусов.

Собор в Амьене, близкий по плану предшествовавшим соборам, имеет высоту центрального нефа уже 42 метра.

Стилистические особенности готики складывались в эпоху, завершающую развитие средневекового европейского искусства, синтезированного в архитектуре соборов, где средствами ритмического членения поверхностей, скульптурой, цветными витражами, музыкой, создавалось архитектурное пространство, исключительное по силе эмоционального воздей-

ствия на человеческую психику. В период готики скульптура и живопись еще не выделились в самостоятельные виды искусства – это произошло в эпоху Ренессанса, но живописные работы и крупная пластика уже отличаются высоким мастерством и экспрессией образов. Предметы церковного обихода, мебель, книжная миниатюра выполнены искусно и поражают красотой. Струящиеся формы скульптур, арок, переплетов, обилие тонких вертикальных членений на фасадах соборов и гражданских зданий продиктованы не только экзальтированной средневековой эстетикой, но и практическими соображениями: на таких формах не задерживается вода от дождей и талого снега – главных врагов любой каменной конструкции. Нередко крыши соборов возводили раньше, чем арочные и сводчатые завершения.

Ратуша – типичная постройка средневекового города, здание для общественных нужд. На территории будущего Санкт-Петербурга, в средневековом шведском городе Ниен, были возведены готические постройки: церкви и ратуша. Обычно к первому этажу здания городского самоуправления (ратуши) пристраивали открытые аркады. В них размещены торговые лавки. Второй этаж занимал капитул – зал заседаний городского совета. В третьем этаже расположены склады. Крыша высокая, остроконечная, крытая черепицей. Такая форма крыши особенно актуальна для нашего северного климата – осадки (снег, дождь) не задерживаются на резко уходящей вниз поверхности. К ратуше, увенчанной флюгером, примыкала сторожевая башня с набатным колоколом – символ независимости города. Иногда на такой башне размещались часы – население города ценит свое время. Городской совет Ниена состоял из 48 человек и контролировал соблюдение правил честной торговли. Для этого в ратуше имелись образцовые весы и гири. Герб и печать нового города изображали льва с мечом в правой передней лапе. Геральдический зверь государственного герба Швеции стоит между двумя потоками (Нева и Охта). Горожане получили на ближайшие шесть лет освобождение от налогов и повинностей.

Ниен, новый шведский город растет быстро. До получения городских привилегий многие его жители были выходцами из Финляндии и Швеции и занимались, преимущественно, ремеслом. Ремесленники объединялись в цеха, как в Западной Европе (например, в Париже к XIII веку существовало 200 таких объединений). До 60 ремесел процветало в Ниене, в том числе и настройщик органов, работавший в протестантских церквях и кирхах. Среди шведов были и серебряных дел мастера, и изготовители люстр. В финской церкви Стокгольма до сих пор хранятся несколько люстр и «два тяжелых увесистых колокола», вывезенные в 1702 году из Ниена, и, возможно, сделанные там же местными мастерами.

Немецкие купцы из Прибалтики поехали сюда после 1642 года. Вскоре немцы составили большинство горожан с собственной приходской церковью. Языком администрации города стал немецкий. Например: «Rathaus; Ратхаус» по-немецки – дом городского совета, «ratman; ратман» – член городского совета. На службе у горожан был и палач, исполнявший приговоры городского суда. Самые высшие городские чиновники (бургомистр, секретарь) были шведами. Жили здесь и голландцы, и англичане.

Повседневная жизнь города Ниена известна нам из старинных карт, пояснений к ним и воспоминаний современников. С 1617 года, с заключения Столбовского мира, невыгодного России, шведские короли уделяли большое внимание картографированию новоприобретенных земель. Сейчас эти карты хранятся в стокгольмском военном архиве, а в 1825 году 2000 землемерных карт Ингерманландии переданы России. План, начертанный Швенгелем в 1644 году, сохранил названия трех городских улиц – Конунгсгатан, Меллангатан, Виборгскагатан – Королевская, Средняя, Выборгская, и улицы эти были широкими.

Каменных домов почти не было. Жилые дома, рубленные из дерева или возведенные в технике фахверк, составили длинные прямые ряды. Техника фахверк: фундамент дома выкладывается из камня, делается деревянный каркас из связанных между собой стоек, балок и раскосов. Заполняющие каркас стены строят из камней, саманных кирпичей или просто из глины, потом белят, а деревянную основу красят в контрастный белому цвет. Облик таких

средневековых городов запечатлели западноевропейские художники XV-XVII веков. Ниен и был таким типичным средневековым западноевропейским городом. Центр его располагался на берегу Охты у впадения ее в Неву. Строились церкви, как лютеранские, так и православные. Мы знаем, где они размещались. Через город протекала еще одна речка – Малая Черная (Малая Охта), делившая город пополам. Три моста, перекинутые через нее, соединяли две половины Ниена – северную и южную. На северном берегу раскинулась Рыночная площадь с ратушей, портом, госпиталем с большим садом и немецкой церковью. Ее смотрителем был Хинрик Люр, купец и ратман, бежавший в 1702 году из Ниена в Гельсингфорс, потом в Або и в Стокгольм (1711 год). Он и вывез из церкви Ниена люстры и колокола, до сих пор пребывающие в столице Швеции.

Каменная шведско-финская церковь разместилась на южном берегу. К ней примыкали усадьба пастора и здания школы. В конце XVII века Ниен мог бы стать не только богатым торговым, но и университетским городом. Шведский король Карл XII (1697—1719) разрешил основать здесь университет. Население Ниена к началу Северной войны превышало 20 000 человек.

Православный приход на левом берегу Невы создан в тридцатые годы XVII века. Его прихожане – жители села Спасского и земледельцы из окрестных маленьких деревенок. Православная деревянная церковь для русского населения предместья Ниена находилась примерно там, где сейчас стоит Смольный собор. Это было село Спасское (Спасский погост, Ниенский приход). Жили здесь выходцы из Новгорода и крещеные в православие ижоры, принявшие русский язык и образ жизни. Количество дворов доходило до тысячи. Дома были привычными русскими деревянными избами с курными (без дымохода) печами. Дым выходил через волоковые окна – небольшие, вырубленные в двух смежных бревнах оконца. Изнутри они закрывались (заволакивались) доской – тесовой задвижкой. Во время русско-шведской войны 1656—1658 годов, когда крепость Ниеншанц была взята и сожжена войсками Петра Ивановича Потемкина, местное население партизанской войной поддержало русские войска. Многие отступили через границу с русскими войсками. В первой половине 1658 года все завоеванное русскими пришлось вернуть шведам. Последовала карательная экспедиция шведов против оставшихся в своих домах жителей села Спасского. Их похоронили у стен местной церкви (позднее, в 1748 году, на этом месте начали строить Смольный собор по проекту архитектора Ф. Б. Растрелли).

Паром через широкую Неву соединял город Ниен и село Спасское. В конце XVII века на переправе работал Мортон Фериекарл. Из Спасского можно было поехать по сухопутной дороге в Новгород и Нарву. Почту в Нарву возил посыльный Давид Матсон. Основа почтового ведомства Швеции была заложена указом королевы Кристины (1636 год). Первый почтовый маршрут 1638 года связал Стокгольм с Нарвой. Почту перевозили раз в неделю со скоростью 1 миля в 2 часа в любую погоду.

Соседями Давида Матсона были владелец кабака Карл Томассон, белильщик Матс Блекаре, красильщик Симон Данилов, солодовник Якоб Мялтаре. Посадки хмеля располагались к югу от Ниена. Там же были сады, пашни, хлебные амбары горожан. К северу от города находилось предместье с кирпичным заводом, садом коменданта и несколькими деревнями.

Ниен и Ниеншанц соединялись мостом Шеппсбрун (Корабельный). В городе имелись и почтовый, и постоялый дворы. Тут проживали около 150 семей, 50 дворов занимались плотницким ремеслом, была небольшая верфь. Вскоре новый город стал центром русско-шведской торговли с правом вести импортно-экспортные операции. Торговля с русскими была выгодна шведам. По величине Ниен считался четвертым городом Швеции, а его купцы были одними из богатейших подданных шведской короны. Удобный порт Ниена был открыт для иностранных судов. К его порту были приписаны 100 судов, принадлежащих местным арматорам. Он располагался напротив крепости Ниеншанц, на другом берегу Охты. Рядом с портом раскинулась Рыночная площадь. Ежегодно около 100 судов заходило в гавань на Неве. Это были рус-

ские ладьи, а так же корабли, пришедшие из Швеции и, ее балтийских владений. В XVII веке Балтийское море стало внутренним для Великой Швеции, а Ингерманландия (Ингрия) была ее житницей, откуда в метрополию вывозили зерно (в основном рожь).

Ближайшие соседи Швеции так же имели свои интересы на Неве. Доля судов – британских, голландских, северогерманских – составила около 20 от общего числа годовых посещений порта Ниеншанц. Жители низменных земель побережья Северного моря, где сформировалось государство Нидерланды, поставляли в балтийские порты Выборг, Ригу, Ниен селедку, вино, текстиль, молочные продукты, а в свои гавани на побережье Северного моря Девентен, Зволе, Кампен вывозили зерно, лес, меха, металл. Ниен становился соперником Архангельска по торговле с иностранцами. В пору владычества Швеции на Балтике и Тридцатилетней войны (1618—1648 годы; России эта опустошительная война не коснулась) иностранные купцы использовали другой торговый путь, так называемый «Северный фарт»: Амстердам – Северная Норвегия – Архангельск – Москва.

В ходе русско-шведской войны 1656—1658 годов военные действия развернулись на территории Ингерманландии, бывшей Ижорской земли. Русские не смирились с установлением шведского владычества на древних новгородских территориях – Ижорской земле и Корельском уезде – в конце XV века вошедших в состав Московского государства. По Столбовскому мирному договору России и Швеции 27 февраля 1617 года граница двух государств – прошла по реке Лава, пересекающей древнюю дорогу из Новгорода в Старую Ладугу. Село Столбово находится недалеко от города Тихвина. В наше время в селе Столбове на берегу реки Сясь поставлен памятный знак в честь подписания Столбовского мира, поворотного момента в истории нашей страны.

Отряд ладожского воеводы Петра Потемкина по повелению царя Алексея Михайловича (1645—1676) 3 июня 1656 года перешел установленную Столбовским мирным договором русско-шведскую границу по реке Лава и блокировал Нотебург (Орешек). Русским войскам помогали местные карелы и финны. 6 июня русский отряд захватил и сжег шведскую крепость Ниеншанц. Но шведы отчаянными усилиями вернули Ниеншанц и сняли осаду крепости Нотебург (Орешек).

Надо было укреплять Ниеншанц, чтобы крепость смогла отбить повторное нападение русских войск. Командующий шведскими государственными фортификациями Эрик Дальберг в сентябре 1681 года посетил Ниеншанц и подал королю Карлу XI (1660—1697) отчет, сохранившийся в Военном архиве Стокгольма. Он писал:

«...и городские сооружения, и укрепление в том состоянии, в каком они ныне пребывают, более вредны, нежели полезны».

Он рисует шведскому королю возможную перспективу развития военных событий. Если Ниен и Ниеншанц подвергнется русской оккупации, сообщение между Ингерманландией и Карелией пресечется и русские смогут

«... всей своей великой силой войск легко, за краткое время так укрепиться в сей местности между двумя этими значительными реками и наконец (от чего да избавит милостивый Господь) осуществить свое с незапамятных времен испытываемое желание закрепиться на Балтийском море».

Господин Дальберг предлагал построить ближе к устью Невы, в Финских шхерах, адмиралтейство и придать ему военные корабли, которые смогут защитить шведские позиции на Неве, ходить вверх по реке и водными путями проникать во внутренние районы России. Вот как оценивал Эрик Дальберг водный путь от Ладожского озера до Ниена и местность вокруг:

«Река Нева на всем своем протяжении от Ладожского озера до Ниена по обе стороны имеет высокие песчаные берега, до самого города поросшие по большей части высоким лесом и кустарником. Она течет не особенно быстро и почти повсеместно имеет глубину шесть футов при низкой воде, так что при добром ветре можно идти против течения на лодьях и других судах, но при сильном встречном ветре затруднительно ходить и вниз, и вверх по течению. Но когда со стороны Балтийского моря, с запада или с севера – и юго-запада поднимается буря, вода в реке Неве у Ниена повышается на 4 локтя выше обычного уровня и причиняет большой ущерб стоящему там укреплению».

Шведский языковед Ю. Г. Спарвенфельд посетил Ниен в 1684 году и отметил, что местность «удивительно приятна своей равнинностью и полезным для здоровья местоположением». В госпиталь Ниена, рассчитанный на четыреста мест, везли больных из Стокгольма. Многие местные врачи были русскими. В конце XVII века население Ниена вместе с крепостью насчитывало около двух с половиной тысяч человек. Вот как торговые люди, купцы-ладожане, описывали город в 1701 году:

«Город Канцы стоит в устье Охты; город земляной, вал старый, башен нет, за валом рогатки деревянные и ров; изо рву к валу палисады сосновые; город небольшой, земли в нем всего с десятину; величиною по примеру с каменную Ладогу. Охта течет из болот, впадает в Неву ниже города, близко стены; река глубокая: ходят по ней шкуты большие и корабли с половиною груза. Посад Канецкий стоит против города за Охтою, по устью Охты к Неве; чрез Охту сделан мост подъемный. В посаде всех дворов с 400. Пушек в Канцах много железных. В городе только один воеводский дом, да солдатских дворов с 10. На посаде каменных палат нет, все деревянные...»

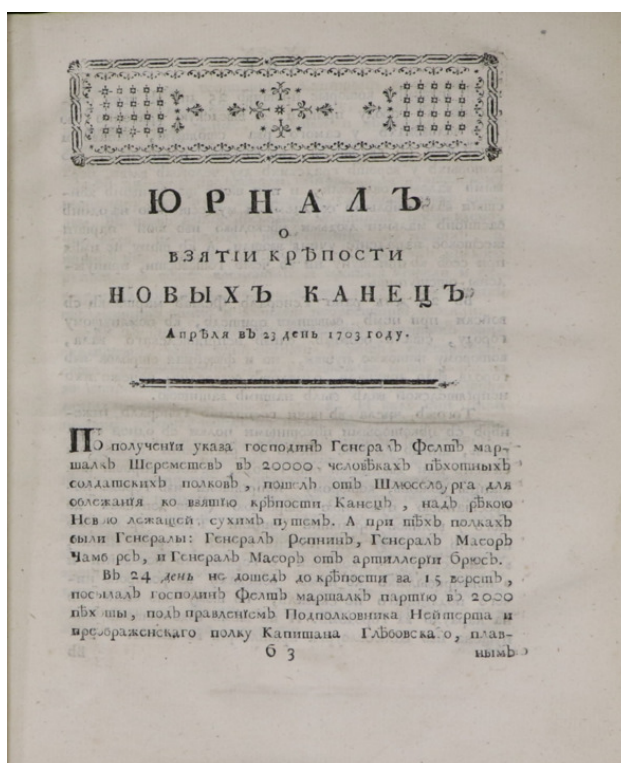
Замеры глубин в Неве производил обер-штурман Карл Эльдберг. Произошло это летом 1701 года. После этих гидрографических работ составлены гидрографические карты. На карте, названной «Ниенский рейд (фарватер)» показаны все рукава Невы при впадении в залив (Финские шхеры), Ниеншанц и город Ниен с госпиталем, кирпичным заводом, паромная пристань на левом берегу, где находился православный Спасский приход. На островах, составляющих сейчас центральную часть Санкт-Петербурга, отмечены три шведские усадьбы (дворы, «резиденции») – на острове Березовом (Койвусаари) размещался двор Бьеркенхольма, на острове Усадица – двор Коноу (Конау, Коноффа), на острове Перузина находился двор Акерфельта.

К началу XVIII века крепость Ниеншанц выглядела так: пятиугольной формы, расположена на возвышенности, валы, окружавшие ее, имели в ширину 12 метров, в высоту – 18. На валах размещалась тяжелая артиллерия – 78 пушек. Крепость была довольно большой – километр в самом широком месте внутри укреплений. В гарнизоне служили 600 солдат под началом русского, полковника Юхана Аполлофа (Ивана Аполлова). Этот дворянин, из местных русских, принес присягу шведскому королю.

Шведы сочли Ниеншанц недостаточно мощной крепостью Ингерманландии и решили укрепить весь район Ниена. В начале Северной войны построены три редута: первый – у реки Чернавки на Охте, второй – на том же охтинском берегу Невы в лесу, третий – у впадения Малой Охты в Большую. Король Карл XII для закрепления власти над Ингерманландией мечтал построить еще более мощную крепость прямо в дельте Невы. Но этим грандиозным планам не суждено было сбыться – в августе 1700 года началась Северная война за возвращение России исконно русских земель (1700—1721).

Вернув крепость Орешек (Шлиссельбург), русские войска двинулись к крепости Ниеншанц по правому берегу Невы. В Военном архиве Стокгольма сохранился план, созданный

в апреле 1703 года, за неделю до сдачи крепости Ниеншанц русским войскам. 23 апреля тридцатитысячный корпус под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметьева подошел к крепости. С ходу атакованы и заняты внешние укрепления. Их обороняли 150 шведов. Русское войско встало лагерем вокруг крепости и города. Собственно, города уже не существовало – 20 октября 1702 года комендант Иван Аполлов (Юхан Аполлоф) приказал сжечь жилища горожан и склады на берегу Охты. Так поступали во время войны в средневековой западной Европе – жгли предместье и затворялись в крепости, а город можно отстроить потом на сохранившихся в огне каменных фундаментах. Русские войска не пришли, помощь из Риги и Выборга тоже. Многие шведы-горожане покинули тогда Ниен, уехали в Або, Гельсингфорс, Стокгольм, но многие примкнули к гарнизону и остались в крепости оборонять свой город. Осада Ниеншанца началась 25 апреля 1703 года. Старший сын царя Петра царевич Алексей принят на военную службу как солдат бомбардирской роты и находился в войсках, осадивших и взявших Ниеншанц. В ночь на 26 апреля от Шлиссельбурга к Ниеншанцу на ладьях приплыла русская артиллерия – 48 пушек, 16 мортир, а бомб к ним – 10 тысяч.

Лист из «Книги Марсовой...» СПб, 1766. Потери русских войск при штурме Ниеншанца

Флотилия лодок с гвардейцами, возглавляемая самим царем Петром I, 28 апреля проплыла мимо Ниеншанца (рус. Новые Канцы) под обстрелом его бастионов и спустилась вниз по Неве до выхода в залив, чтобы остановить флотилию шведского адмирала Нуммерса. Но шведская флотилия не подоспела из Выборга. Государь оставил засаду из гвардейцев на острове Витсаари (Гутуевском) и 29 апреля вернулся в русский лагерь под осажденным Ниеншанцем. В письме А. Д. Меншикову Петр Алексеевич сообщал: «Город гораздо больше, как сказывали, аднакож не будет с Шлютельбурх...», имея в виду Шлиссельбург. И об укреплениях Ниеншанца с одобрением отзывался государь: «Выведен равно изрядною фортификациею, только лише дерном не обложен, а ободом болше Ругодива». По мнению Петра, Ниеншанц превосходил размером столицу Ингерманландии Нарву. Коменданту Ниеншанца было предложено капитулировать, но Юхан Аполлоф ответил, что будет защищать крепость, вве-

ренную ему королем Карлом XII. Получив такой гордый ответ, царь Петр отдал приказ о бомбардировке Ниеншанца. Крепость четырнадцать часов подвергалась огню русской артиллерии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.